

АНАСТАСИЯ БАЛЮЛИНА

СМЕШНЫЕ ЛЮДИ

ДВА РАССКАЗА

БОТИНОЧКИ

В очереди Валентину Ивановну то и дело атаковали тревожные мысли. Кругом все закупались впрок: кто крупами, кто сахаром. На днях встрети-лась ей соседка по лестничной клетке — тащила огромную коробку тушёнки. Валентина глубоко вздыхала, руки её чесались от нетерпения, и чувст-вовала она себя спортсменом, отстранённым от соревнований.

Неделю назад на семейном совете решили никаких запасов не делать, всё равно ещё с позапрошлого года не израсходовались. Валентина тогда в страхе полную лоджию гречки натаскала, почти всю пенсию истратила. Пару недель они семьёй ели гречку на завтрак, обед и ужин. Пока внук Ко-ля не впал в истерику, когда Валентина поставила на стол гречневый торт. В тот же вечер семья побежала в магазин.

Валентина сильно обиделась на близких и ещё месяц демонстративно ела свой запас, громко причмокивая. Потом и её уже начало воротить от греч-невой каши. Но она не признала свою ошибку, просто почти не заходила на лоджию, чтоб не видеть огромных тюков.

Теперь домашние ей строго-настрого запретили проявлять инициативу, и из магазина она возвращалась с небольшим пакетом продуктов.

БАЛЮЛИНА Анастасия Александровна родилась в Москве в 1992 году. Окончила Московский энергетический институт. Работает в приборостроительном конструкторском бюро инженером-конструктором. Состоит в коллективе авто-ров “Большой проигрыватель”, ведёт в сети “ВКонтакте” авторскую группу “Ка-фе “Синий страус””. Публиковалась в сборниках издательства “Перископ-Волга”: “Антология русской литературы XXI века”, “Терапия”, “MODUS OPERANDI”. Живёт в Москве.

— Мало ли что начнётся, — повторяла Валентина. — Ну хоть макарошек бы нам.

В ответ тяжело вздыхали муж, сын, невестка и семилетний внук.

Однажды после ужина все разбрелись по комнатам. На кухне остались только Валентина и Коля. Мальчик попросил ещё чая с баранками и переключил телевизор на мультфильмы.

— А у меня ботинки порвались, — сказал Коля и снова уставился в экран.

— Сильно? — Валентина мыла сковороду, изредка поглядывая в телевизор.

— Подошва треснула, и подмётка чуть отклеилась. Мама сказала завтра в кроссовках идти. Вот.

— Ну, надо будет новые купить. — Она поставила тарелки на полку. И в ту же секунду её озарила мысль: “А что, если вся обувь исчезнет с полок? Вот будем, как в старые времена, с трудом вещи доставать”. Валентина побежала в комнату.

— Дорогой, ребёнок у нас совсем босой! Ботинки зимние у него разорвались.

Муж дремал, но от встревоженного голоса он резко подскочил.

— Что с Колей?

— С ним ничего. Ботинки у него порвались зимние. В чём он теперь ходить будет?

— О боже ты мой, половина марта прошла, на улице плюс десять. На кой ему тёплые ботинки?

— Ну, в этом году не нужны, а в следующем? Босиком что ли?

— В следующем и купим, за лето ещё нога может вымахать.

— Купим, ага. Где купим? Видишь, всё с полком гребут. Саш, я вчера сама в интернете видела, как за сахар люди дерутся...

— Валюш, дай поспать. Я совсем без сил.

Ничего не добившись, Валентина вылетела в коридор и наткнулась на невестку. Та шла из ванной, вся разруганная, с закутанными в полотенце волосами.

— Тань, ну куда ты смотришь? У тебя ребёнок босым останется! — Валентина вцепилась в рукав халата невестки; та изумлённо посмотрела на неё, тюрбан из полотенца съехал набок. — Что? Ботинки у Коли разорвались, единственные! В чём он ходить теперь будет?

— Ну что вы, мама, нервничаете. Осенью купим, к чему торопиться?

— Знаю я ваши “купим”. Ты смотри, что в мире творится, не знаешь, что будущий день уготовит. А они “купают”! Все по магазинам ходят, закупаются. Магазины закрывают! А эти сидят! Им же всё равно, что ребёнок оборванцем будет.

Таня приобняла свекровь за плечи, но та убрала её руки и направилась в ванную.

— Они ж умнее всех! Им никто не указ! Когда в интернете такое пишут! А они!

На следующий день, когда вся семья отправилась по делам, Валентина Ивановна поспешила в обувной магазин. Цены заметно поднялись, и товар разбирали бодро. У кассы стояла женщина и пыталась уложить в огромные пакеты пять пар обуви.

— Это сколько же у вас деток? — добродушно поинтересовалась Валентина.

— Да один, только я на вырост беру. Кто там знает, что будет дальше... — Покупательница наконец уложила коробки и направилась к выходу.

— Вот и я своим о том же говорю!

У Валентины Ивановны денег еле хватало на одну пару нужного размера. У кассы она задумалась, ведь Коленька может вырасти за лето. Наверняка вырастет и не сможет носить новые ботиночки. Она отложила тридцать третий размер и снова встала перед полками. Теперь Валентина вертела в руках тридцать четвёртый. И сердце её заньло — ведь кто знает, а вдруг в городе через год ботинок не будет. Тогда она ещё повертела в руках тридцать

пятый. И через минуту решила купить ботинки от тридцать третьего до тридцать пятого. Но денег по-прежнему хватало только на одну пару. Попросив продавца отложить обувь, побежала домой. Там, в томике Достоевского, лежала записка мужа. Вытряхнув всё накопления и сосчитав, помчалась в магазин, забрала отложенную обувь, но, дойдя до эскалатора, подумала: а ведь нужны ещё ботинки на осень, кеды, кроссовки и сандалики на лето. Стремглав понеслась обратно и взяла несколько пар ботинок на межсезонье, чуть на вырост и летние лёгкие тапочки. Прибежав домой, пока не пришли домашние, влезла на стремянку, спрятала покупки на антресоль и под кровать. Потом, отдышавшись, села пить чай и впервые за два месяца почувствовала себя спокойно.

Прошла весна и лето. Осенью Коля пошёл в первый класс, и дедушка решил подарить ему компьютер. Он перетряхнул все книги, а записки не нашёл.

— Ты что-то ищешь? — спросила Валентина, уже позабыв о своих весенних покупках. — Смотри, всё раскидал.

— Да не могу найти. Ты не помнишь, куда я записку положил? Кажется, уже везде посмотрел.

Валентина замерла на месте.

— Ты чего? — За долгие годы Александр научился распознавать мельчайшие движения души Валентины. — Что случилось?

Валентина вся сжалась, затряслась, и по щекам потекли слёзы.

— Прости, — прошептала она, давясь от рыданий.

Муж подбежал к ней, обнял:

— Ну, что такое?

— Я Коленке на все деньги ботинок купила. Я так боялась, что из магазинов обувь пропадёт, и мальчик наш будет оборванцем ходить, и одноклассники начнут над ним смеяться.

Муж сжал её плечи:

— Ну, и что ты плачешь? Обувь дело нужное, пусть носит.

После его слов раздался громкий, отчаянный вскрик:

— Да у него нога на три размера выросла, и все десять пар на выброс! Все десять, понимаешь! Он ни в одну влезть не может!

На следующий день сын Валентины выложил в сети объявление: “Продаются детские ботинки. Неношеные”.

ВЫПУСКНОЙ

Кристина видела десяток выпускных и никак не могла поверить, что теперь её очередь идти на сцену за аттестатом. Первоклассники спели грустную песню, отчего староста покраснела в цвет платья, и, давья рыдания, хлопнула носом. Потом сбивалась и долго подбирала слова учительница французского. А Кристине хотелось навести на сцену пульт и перемотать ближе к дискотеке. Она вздыхала и еле сдерживалась, чтобы не залезть в телефон.

— Эй, Митрофанова, — шепнул мужской голос за левым плечом. — А где твоя мама? Что на этот раз пронесло?

Кристина дёрнулась, она надеялась, что никто не вспомнит.

— Саш, она не смогла прийти. Там соседке надо было помочь.

— Фух, слава Богу! А то помнишь, как в девятом она целый час...

— Помню, — резко прервала одноклассника Кристина и прикрыла лицо рукой.

Вышла выступать первая учительница и зачитала сочинение старосты на тему “Кем я хочу стать, когда вырасту”. Мимо рядов стульев проходила классная руководительница, щурила взгляд.

— Ой, нашла. Кристиночка, а где твоя мама?

— Не смогла.

— Да? А ну хорошо, — и тут же осеклась. — То есть жаль.

Кристина слышала, как классная, подойдя к стоящей у двери информатике, шепнула:

— Не будет.

Та улыбнулась и шепнула в ответ:

— Ну, слава те госссс...

Да уж, было дело под Полтавой... Все помнили выпускной девятого класса, смеялись над ним, шутили. А у Кристины Митрофановой холодок по телу пробежал и хотелось стать невидимой при одном упоминании. Руки потели, на лбу выступала жилка.

Вот в голове опять проносится эта картина в духе фильма ужасов. Мама гордо вышла на сцену, вскинула кудрявые волосы и начала звонким голосом, похожим на звук битой посуды, читать свои стихи.

— Наш классный руководитель, ты в знаниях путеводитель...

На задних рядах кто-то засмеялся, на него зашипели учителя. Кристина ловила на себе взгляды одноклассников, то выражающие сочувствие, то злорадование. Учителя русского ёрзали на месте, и их дыхание походило на звериный рык. Полчаса, а мама и не думала уходить со сцены:

— Биологию учили отчаянно. Дети Мичурина, внуки Дарвина...

В зале смеялись и возмущались, но Митрофанова-старшая и не думала заканчивать. Перевернув страницу и, немного покашляв, затянула:

— “Ода органической химии”...

Ещё через десять минут по щекам Кристины лились серые от туши слёзы. Даша увидела, как подруга нервно отковыривает лак с ногтей.

— Ну, что ты? — сказала она, положив руку на Кристино плечо.

— Так стыдно...

— Фига! Она ещё написала, — громким шёпотом сказал Леденцов за спиной подруг.

— Кыш, — шикнула Даша и щёлкнула одноклассника по лбу.

Наконец, классная руководительница, улучив паузу, сумела объявить, что официальная часть закончена.

Следующие два года Кристине частенько вспоминали выпускной. Учительница по литературе любила подшучивать:

— Анна Ахматова, конечно, не Вера Митрофанова, но тоже неплохо писала.

Время от времени на уроке Кристине подбрасывали записки с исковерканными стихами матери. Она злилась, но молчала. А мама продолжала ночами сочинять, садиться к спящей Кристине на кровать и читать новые.

— Ну что, гордишься мамой? Я у тебя настоящий поэт...

Кристина отогнала печальные воспоминания. Как бы то ни было, сегодня подобного не случится. За две недели до праздника она соврала маме, сказала, выпускной начнётся на три часа позже назначенного. И потрещала в салон красоты. В случае чего маму обещала задержать соседка этажом ниже — попросить померить давление или принести из магазина холодного кваса. Отец не одобрил затею, но и мешать не стал. Лишь иногда по вечерам подходил к ней и говорил:

— Доченька, ну, нехорошо же так, всё-таки маме нужно быть на выпускном. Не простит ведь. Можно же было как-то попробовать поговорить.

Кристина колебалась. То её добрая часть уговаривала пустить всё на самотёк, то решительная и бескомпромиссная требовала спасительных действий.

— С чего это мне не выступить, — говорила мама, расчехляя новое платье. — Какой праздник без стихов? Вот послушай, я тут набросала. Ещё, конечно, сыровато, но выходит волшебное...

— Просто, — Кристина крутила пуговицу на кардигане, — в девятом классе было очень долго. И многим...

Мама округлила глаза:

— Многим? Бестолковое большинство! Ничего не понимают ни в жизни, ни в искусстве! А я же душу вложила! В каждое слово. Ночами писала. Это же и мой праздник тоже! Ты вместе с этим безмозглым большинством, значит, хочешь меня его лишить! Да я так старалась! Я даже платье купила для сцены!

Вечер близился к концу. На сцену вышла классная руководительница и, смахнув со щеки слёзы, попрощалась с учениками.

— Ну, обошлось, — шепнула Даша. — Сейчас пофоткаемся и едем в клуб.

Кристина оглянулась на отца, тот счастливо улыбался и подмигивал. Заиграла грустная мелодия, и всех выпускников попросили встать. В такт они качались, обняв друг друга за плечи и подпевали. Присутствующие не сразу заметили пришедшую Веру Митрофанову. Мама тихо прошла вдоль рядов и, поднявшись на сцену, взяла микрофон. Неспешно достала из сумки папку со стихами. Музыка не выключили, но Митрофанова-старшая начала читать:

— Школа, Школа! Прощай, прощай! Учёба в тебе похожа на рай...

Леденцов за спиной у Даши хрюкнул и пробурчал:

— Митрофанова, твоя мамаша с цепи всё-таки сорвалась.

Кристине хотелось обернуться и со всей силы вмазать ему в нос.

Кто-то шикнул:

— Эй, ты же обещала.

Мама продолжала читать, совершенно не обращая внимания на классную руководительницу, схватившую её за локоть и тянущую за кулисы. За листом бумаги не видела, как выпускники выходят из актового зала. И вскоре она стояла одна с микрофоном посередине сцены, украшенной воздушными шариками. Лишь папа Кристины остался верен поэзии, один в зрительном зале.

— Верочка, брось. Пойдём, они сейчас в автобус сядут.

Но Митрофанова продолжала читать.

— Милая, ну пойдём. С дочкой сфотографируемся. Уедут же сейчас.

Оглядевшись и увидев пустой зал, поэтесса горестно выдохнула:

— Бессердечное большинство.

Одиннадцатый класс фотографировался у школы. Потихоньку все начали садиться в автобус. Кристина всё прокручивала в голове, как полчаса назад классная тянула её мать со сцены, и все над ней смеялись. Бедная мама, она была такой несчастной. Нельзя было так поступать. Ну и выступила, ну и что бы произошло? И зачем я так?..

— Так, что у нас за слёзки? — хихикала учительница по французскому. — Ерёмину, ну до чего хороша, в платье хоть на девочку стала похожа. Митрофанова, нос по ветру, на танцы едем!

Кристина готова была сорваться с места, выбежать из автобуса, найти маму и попросить прощения. Двери закрылись, загудел двигатель. Она ненавидела свой выпускной и с ужасом представляла, как вернётся домой. Мать встретит ледяным презрением, тут же выйдет из комнаты, ни слова не говоря. Отец, опасаясь гнева жены, будет говорить с дочерью наедине и постоянно упрекать: “Ну вот видишь, что наделала”. А через два месяца Кристина уедет учиться в большой город, и связь совсем оборвётся.

Автобус развернулся и выехал со школьного двора в переулок.